

Музыка

Empire Of The Sun — Way To Go

Dance My Darlin — Fate

Red Hot Chili Peppers — Road Trippin'

Lana Del Rey — West Coast

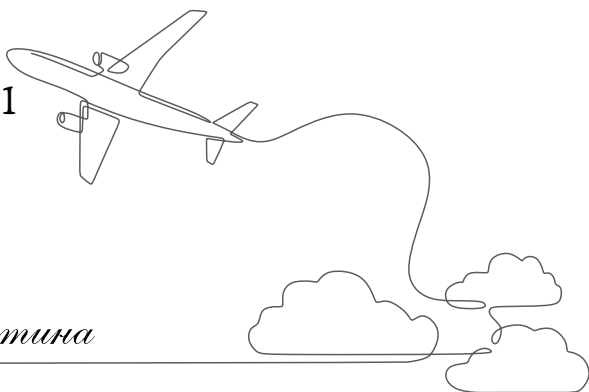
Phantogram — Black Out Days

Twoxi — The Look

Cannons — Desire

И.С. Бах — Ария из оркестровой сюиты №3

Глава 1

Кристина

Я решила угнать самолет отца. В ночной тишине раздается хлопок двери автомобиля.

— Ты сама говорила, что надо тише.

Вадик, Серж и Рита недовольно поворачиваются в мою сторону.

— Я случайно, ладно?

Обхожу белый «Крузер», вспоминая язвительные слова отца. Он назвал меня неудачницей, которой нравится производить фурор разными глупостями.

Пару недель назад по пабликам разлетелись мои откровенные снимки: пока я зажигательно танцевала на высокой сцене в клубе, зрители наглым образом фотографировали мое атласное нижнее белье, видневшееся из-под короткого платья.

Я — дочь влиятельного человека, одного из основателей крупной авиакомпании в стране. Мне непозволительно вести разгульный образ жизни, ведь репутация отца сильно страдает после каждой моей пьяной выходки. Однако, по последним данным, продажи авиабилетов возросли. Может, все же не стоит сбрасывать алкоголь со счетов?

Сегодня мне предстоит осуществить план мести. Для начала нужно незаметно пробраться в особняк, где я провела несколько лет жизни со своими родителями. Трехэтажное здание из темного кирпича скрывается

в ночной тьме. Досадно, что это уютное гнездышко никогда не станет мне домом — место, куда возвращаются дети, должно быть самым родным и теплым. Жаль, что это не мой случай.

Выходим с Ритой на тропинку из брусчатки у дома. Тусклые лампы, рассыпанные по траве, подсвечивают путь, а весенняя ночь подгоняет своей прохладой.

— Где здесь точно нет камер? — интересуется Рита. — Не хочу засветиться на ноутбуке твоего отца.

— Не бойся, ты не попадешь ни на одну из них. Засвечусь только я, — отвожу в сторону подругу, чувствуя ледяной ветер.

Сигнализацию во всем доме так и не починили, нам с этим крупно повезло, а вот камеры видеонаблюдения работают стабильно. Правда, их так много, что за каждую я не ручаюсь. Если подруга попадет хоть на одну, у нее будут неприятности. Но она сама напросилась мне помочь: ей захотелось улететь в Европу на новеньком «Эмбраере».

— А в доме точно никого нет? — Рита хватается меня своей холодной рукой.

— Кроме помощницы, которая крепко спит, никого.

Как же все просто, когда ты раньше здесь жила и у тебя есть ключи от всех дверей.

— Кристи! Нехило живут твои предки... Мой отец не решился бы променять единственный пентхаус на особняк. — Подруга поправляет свои короткие светлые волосы и хлопает глазами. — Напомни, почему мы не пришли сюда днем?

— Днем отец постоянно проверяет записи камер. А мне нужно, чтобы он посмотрел их утром.

В это время наш самолет уже будет идти на посадку.

Ночью особенно приятно совершать зло.

Звук поворота ключа, и мы тихонько входим внутрь особняка. Стены с картинами, темное дерево перил и оконных рам — все окутывает вечное одиночество. Забавно, но я поклялась себе никогда не переступить порог этого дома. И вот я здесь.

Отец так и не сознался, на каком аэродроме базируется парк малой авиации — именно эти сведения мы постараемся отыскать в его кабинете. Представляю физиономию папаши, когда он узнает, что я угнала его маленький самолетик в Европу.

— Он летчик?

Поднимаю голову на Риту, которая внезапно решила поинтересоваться моим отцом. Рука с телефоном, которым я подсвечиваю бумаги на столе, слегка дергается.

— Всю жизнь, — отчеканиваю, не вдаваясь в подробности.

Затхлость кабинета ударяет в нос, позже сменяясь запахом мебели: родителей в городе нет, и комната не проветривается.

Чтобы ускорить дело, утонченная Рита осторожно обходит громоздкий стол из темного дерева, за которым отец всегда что-то пишет. Раньше, сидя на этом самом месте, он отчитывал меня, если я приносила из школы тройки. Комната вдруг покрывается еще более опасной мглой — все меркнет от воспоминаний.

— О, такая мягкая обложка. Это инициалы твоего отца, да?

В руке Риты зажат знакомый блокнот. Калиграфическим шрифтом, напоминающим вензеля на кованых воротах, в нижнем правом углу выведены буквы «Б.П.С». Блокнот принадлежит Багрову Петру Семеновичу, моему отцу.

— Ты нашла кое-что важное.

На оборотной стороне записной книжки изображен маленький «Боинг» модификации 757-200. Подушечкой пальца провожу по шероховатости от углублений штампа. Это мамин подарок отцу в день его рождения. «Эмбраер» появился примерно в то же время.

В луче света фонарика кривые отцовские буквы скачут на странице, где типографской краской выведено «Первое января». Мой указательный палец движется по строчкам, пока Рита держит смартфон.

— «Эмбраер» прошел регистрацию зимой... — начинаю с остановками. — А в феврале сформировалось

расписание рейсов. В том месяце самолет дважды летал в Рим...

После последних слов прочищаю одеревенелое горло. Неужели отец купил себе частный самолет для поездок в Италию?

Из-за роя мыслей оживленный шепот Риты не долетает до меня. В голове уже давно мелькают красные флаги с сигналами «стоп», но сейчас я еще больше уверена в своем намерении угнать этот самолет подальше от отцовской итальянской жизни.

— Ты это слышала? — Рита выводит меня из раздумий.

Фонарик в ее руке направляется на стену, где висит спрятанное в деревянную рамку изображение первого в истории самолета братьев Райт. Шорох — теперь и я его слышу.

— Опустит телефон, — шепчу, но уже поздно.

Свалившаяся коробка в гардеробной будит сонную морду. Шурясь от света, моя короткошерстная кошка приоткрывает глаза и, почесывая ухо, начинает недовольно мяукать.

— Тесси, замолчи!

Как давно я тебя не видела, маленькое чудище!

— Ты нас здорово напугала! — шепчет Рита, присматриваясь к кошке в неярком свете, но, прикрыв рукой рот, резко отпрыгивает за мою спину.

— Не говори мне, что ты кошки испугалась.

— Это что за зверь такой, Кристи? Я хочу это развидеть. Пожалуйста, скажи ей, чтобы она не подходила, — тараторит подруга, уткнувшись мне в шею.

Я благодарна, что Рита не пищит, как умалишенная. Обычно все, кто встречает Тесси впервые, пугаются так, будто видят черта: всему виной сходство породы ликой* с оборотнем.

* Ликой — порода кошек, которым дали название *lykoi*, что с древнегреческого переводится как «волки». Так их прозвали из-за внешней схожести с семейством псовых.

— Она очень добрая. Не обращай на нее внимания, — пытаюсь успокоить подругу. — И верни свет на стол.

— Хорошо, — соглашается Рита и неохотно направляет фонарик обратно, но не перестает поглядывать в сторону Тесси, которая уютно расположилась на ковре.

В худой морде кошки нет ничего аристократичного, чего не сказать о характере. Я мало кого могла убедить, но мое чудище воспитаннее любого вылизанного кота. Пробудившись ото сна, она наблюдает за нашей возней своими светло-коричневыми глазами, отчего мурашки устраивают забег по коже.

— Ты уверена, что я не смотрю на дьявола? — настоженным голосом спрашивает Рита.

Тесси в этот момент показывает нам клыки, зевая от скуки.

— Не смей меня. — Я быстро фотографирую последние записи в блокноте.

Поняв, что в кабинете делать больше нечего, мы тихо покидаем особняк и на громоздком «Крузере» Сержа мчимся по направлению к аэродрому, о котором я прочитала в отцовских записях. Где бы я еще нашла эту информацию и сколько бы потратила на это времени, не попадись нам блокнот?

Небо за окном пытается превратиться в рассвет. Прислонившись к стеклу, я не ощущаю хлестких ударов своих розовых волос по лицу, как не замечаю и холода ледяного ветра и не слышу разговор Риты, Сержа и Вадика.

«Зачем я все это задумала?» — спрашиваю себя.

Наружу рвется желание показать отцу, насколько мне тяжело: я не могу простить ему свое детство и измену маме.

Машина останавливается на стоянке маленького аэропорта. Навигатор больше не трещит. Высокие каблукки кожаных сапог глухо выстукивают ритм, наступая на лужи. Я совершаю по-настоящему безумный поступок.

Охрана при входе даже не смотрит в нашу сторону: мужчина в жилете отдыхает на стуле. Мы проходим

через металлодетектор и оказываемся внутри частного аэропорта, в котором нет ни одного посетителя. Кассы и мягкие кресла зала ожидания пустуют — ничто не нарушает тишину раннего утра, кроме легкого треска холодильника с напитками. И только громкий голос Сержа нарушает эту идиллию:

— Мы попали в фильм про апокалипсис?

Хохот ребят отдается эхом.

Я останавливаюсь у табло с расписанием рейсов, вспоминая цифры из отцовского блокнота.

— Могу вам помочь? — по стенам зала проносится еще одно эхо.

Я поворачиваюсь к симпатичному молодому человеку.

— Да, пожалуй... Мне нужен «Эмбаер» авиакомпании «КиЛайн», сегодня состоится рейс, — всматриваюсь в голубые глаза высокого парня, обращая внимание на фуражку в его руке. Вышитые золотистыми нитями крылья на ткани подтверждают мою догадку — передо мной пилот.

— Но здесь все принадлежит «КиЛайн», а точнее, его основателям, — разводит он руки в стороны, улыбаясь.

— Я дочь одного из тех счастливчиков, кому удалось поднять с низов эту авиакомпанию, — выпаливаю уверенно, но не удивляю его. — У меня задание на полет.

Симпатичный брюнэт, кажется, узнал розововолосую героиню скандальных пабликов. Парень медлит с ответом, все так же не опуская уголков рта.

— Разрешите взглянуть на это задание?

— Я Багрова Кристина, — подхожу ближе. — Ответьте на вопрос: вы пилотируете «Эмбаер»?

— До-пус-тим, — произносит он по слогам и слегка отводит голову.

— И работаете на моего отца, верно? Как и все здесь, с ваших слов.

— Так точно, работаю, — отвечает пилот.

— В таком случае принимайте задание на полет. Я в устной форме приказываю лететь. Этого, думаю, достаточно для исполнения.

Пилот хмурит брови и молчит, его поджатые губы говорят о явной неуверенности. Опустив голову, он смотрит на свою фуражку.

— Помните протокол «КиЛайн»? Вы должны подчиняться любому члену семьи Багровых.

— Хорошо. Но мне нужен мой коллега: один я не смогу управлять самолетом.

— Едем на борт. Ваш коллега, думаю, уже там.

Мое имя помогает мне оказаться внутри частного самолета. Низкие потолки и тесное пространство не смущают. Другьям особенно нравятся кожаные кресла: парни с разбега прыгают на них, занимая свои места у иллюминатора. Пилоты ожидают разрешения на вылет, а мне беспокойно от этой медлительности.

— Мы скоро полетим?

— Меня зовут Арнас Летонус, — произносит пилот, с которым я столкнулась в аэропорту. — Полагаю, вы отменяете запланированный рейс?

Мое внимание привлекает приборная панель с многочисленными кнопками, назначения которых я не знаю.

— Здесь только мой рейс, понятно же. Теперь это и мой «Эмбраер», — уверенно заявляю

Осталось подумать, как официально оформить на него права.

— Летим, друзья! — восклицаю, поторапливая. — Летим-летим!

Однако разрешение еще не получено.

— Кристи, а почему здесь нет стюардессы? — подходит Вадик.

Закатываю глаза на глупую непосредственность.

— Потому что это частный рейс. Тебя нужно провести в туалет?

— И я думал, что полет будет на уровне... То есть никакого сервиса, Кристи? — теперь уже подскакивает Серж.

Каждый из нас четверых избалован качественным обслуживанием. Благодаря материальному благополу-

чию наших семей, мы понятия не имеем, сколько можем потратить на одной только вечеринке. Золотая молодежь во все горло вопит, что ей подвластно решение любых проблем: прикрываясь чужим достатком, мы оживляем этот мир, заставляя его крутиться вокруг нас. Если понадобится самолет — нам его предоставят исключительно в лучшем виде. Но на самом деле мы нули без палочек, пустое место; мы не знаем, как справляться с трудностями. Отберите у нас деньги — и мы не сможем даже обслужить себя.

Рита единственная молчит, посматривая в иллюминатор. Когда самолет начинает движение, мы едва успеваем ухватиться за сиденья кресел, чтобы не упасть.

— Занимайте места, — отдает приказ Арнас, мой новый знакомый.

Такое странное имя... Но парень симпатичный.

Присев, ощущаю мурашки на теле — будто сама управляю этим самолетом. Несомненно, мой папаша знает толк в хороших лайнерах. Он предрек высокий спрос на рейсы, но позабыл, что его дочурка выросла и растеряла тормоза. Она тоже может отдавать приказы, как сейчас, и ее будут слушаться.

— Горит табло «пристегнуть ремни», серьезно? — спрашивает Серж, мой сосед.

— Видишь, как трясет самолет? Лучше сделай это. Пристегнись.

«Эмбраер» поднимается в небо, и мое дыхание замирает. Ощущение сдавленности прекращается только через несколько минут, когда за окном показываются облака.

Серж так и не пристегивает ремень безопасности.

— Ты шикарна и войдешь в историю, — протягивает он, глядя мне в глаза. — Угнать самолет собственного отца... Горжусь!

Слова друга льстят, но долгожданную эйфорию от проделанного я не ощущаю. Хотя, несомненно, меня позабавит удивление отца, когда он узнает об угоне

самолета. Как же печально, что он больше никогда не полетит к своей любовнице на «Эмбраере» — оставлю эту металлическую «птичку» себе в качестве извинений.

Раздается металлический щелчок — открываю баночку сладкой газировки в радостном осознании победы.

Двигатели гудят. Самолет трясет то из стороны в сторону, то вверх-вниз. Страх Сержа передается мне. Это начинает нервировать.

— Это всего лишь ветер. Возьми «Фанту», — вручаю парню банку с оранжевой этикеткой.

Успокоиться моему соседу все равно не удастся: Серж очень «кстати» вспоминает случай крушения самолета, после которого уцелела одна-единственная девушка. Правда, ей пришлось выживать в диком тропическом лесу.

Представляю себя в наших степях — на каблуках, говорящей с кротами. Делаю глоток газировки и оставляю своего встревоженного собеседника одного, направляясь к пилотам.

— Что ты так смотришь? Мой отец заплатит за все это, — снимаю катышек со своей шерстяной кофты, что заканчивается чуть выше пупка. Мои длинные розовые волосы, на которые сейчас поглядывает Арнас, веселятся в потоках турбулентности.

— Чудачка! — говорит он, снимая наушники.

За окном проступают первые признаки непогоды в виде туч, и самолет погружается в темную дымку.

— Кристи, тебе лучше присесть.

— Я тебя знаю. Видела как-то с моим отцом.

— Ты же слышала, что я только что сказал?

— Конференция! Вы летели в тот день на конференцию, я вспомнила. В Рим, да?

Арнас молчит. Небесные глаза с длинными ресницами могли видеть *ее* или даже слышать, о чем разговаривали мой отец и его женщина.

— Эта поездка не была рабочей, верно?

Пилот слабо усмехается, отводя взгляд.

— Ты хоть понимаешь, что натворила, угнав самолет отца? Ты забрала рейс, который принес бы доход компании.

— И что ты мне сделаешь?

— Посажу «Эмбраер».

— Не посадишь. Я отдаю приказ пересечь границу.

— Я его не исполняю... Мы летим в нейтральной зоне.

— Нет, не смей, Арнас, — решаюсь назвать его по имени для убедительности. — Приказ должен быть исполнен, слышишь?

— На земле ты, возможно, мой босс. Но не в полете.

— Попробуй не подчиниться! — угрожающе выставляю указательный палец. Самолет продолжает раскачиваться, и я пытаюсь удержаться.

— Я так понимаю, вы с друзьями захотели по Европе погулять. Давай так. Я завтра лечу в Лиссабон, хочешь, возьму тебе столько побрякушек, сколько скажешь? Привезу любые...

Да он издевается!

— Арнас, от тебя всего лишь требуется посадить самолет на любом европейском аэродроме. Вы оставите «Эмбраер» и полетите обратно другой авиакомпанией. Я оплачу билеты. Пожалуйста!

Компаньон Арнаса лишь изредка поглядывает на нас, не говоря ни слова.

— А что я скажу твоему отцу, когда он узнает, что я оставил тебя в незнакомой стране?

— У него достаточно средств вернуть меня домой. Если он, конечно, захочет.

— Ты не догадываешься, но мы уже давно развернулись и летим обратно, — объявляет Арнас через некоторое время.

Турбулентность прекращается, самолет выравнивается, а у меня начинает пульсировать веко.

— Не смотри так: твой отец приказал мне это сделать еще полчаса назад.

Все-таки папаша проверил камеры раньше, чем я рассчитывала. Хочется прямо сейчас катапультировать Арнаса в космос, а самой усесться за штурвал и повернуть самолет хоть на Антарктиду. Пальцы нервно выстукивают ритм застрявшей в голове песни.

Приземлившись в Европе, я бы оплатила обслуживание самолета на аэродроме. У меня есть средства на его дальнейшее содержание, о чем я уверенно заявляю пилотам, но эти двое будто не слышат меня, продолжая нажимать свои кнопки.

С самого начала я собиралась лишь воспользоваться «Эмбраером», но все изменилось после того, как я узнала о полетах в Италию. Мне вдруг захотелось отнять отцовскую игрушку в наказание за предательство и за то, что он никогда не любил меня и уже не полюбит.

Угон самолета дал бы возможность показать глубину моей обиды. Только вот мы медленно возвращаемся обратно, уходя все дальше от цели. Бунт возрастает с новой силой, хоть я уже давно не маленькая девочка.

— Во сколько тебе это все обойдется, представляешь?

И как только Арнасу духу хватает насмеяться надо мной.

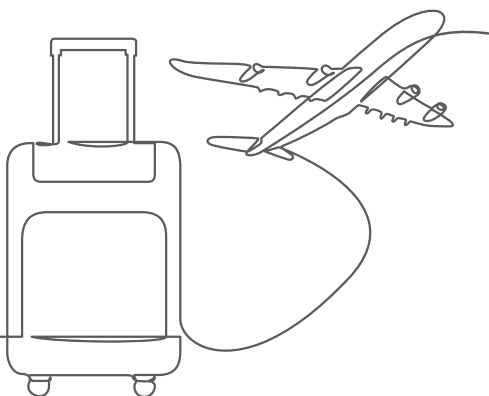
— Не твое дело, пилот. Просто управляй своей железкой и подчиняйся своему боссу.

Глава 2

**Несколько
месяцев спустя**

Кристина

С ленивой неохотой я едва передвигаюсь по салону пассажирского «Боинга», пока не замечаю загоревшуюся кнопку вызова бортпроводника. Если еще кто-нибудь спросит, когда будет обед, я выпрыгну за борт. Ладони становятся влажными — как же не хочется подходить к пассажиру. На подготовке бортпроводников учили, что реагировать нужно быстро, иначе неизбежна внештатная ситуация. Итак, я ненавижу оказывать первую помощь, но, пока никто на рейсе не умер, поторапливаюсь к пассажиру на тридцать четвертый ряд.

Туман из белых облаков окутывает наш самолет. В салоне довольно тихо, пассажиры на своих местах. Аметистовый шарф снова сдвигается на шею. Поправляю приятную телу ткань и глухими шагами иду по самолетному ковровину. Брюки прямого кроя облегают ледяные ноги, а заправленную бледно-фиолетовую рубашку хоть выжимай от влаги. Все из-за того, что я никогда не умела быть услужливой. И как только меня угораздило здесь оказаться!

Щеки царапает прохладный кондиционер. Обнаруживаю единственного пассажира на тридцать четвертом ряду.

— Чем могу помочь? — врываюсь в чужое пространство и выключаю надоедливый фонарь.

— А вы не торопитесь подойти. Знаете, сколько я жду? — Недовольный тон сбивает с толку. Парень смотрит на свои наручные часы. — Почти десять минут.

Самолет пять минут как выровнялся после взлета, еще куча времени до снижения — я могла и не торопиться.

— Прошу прощения, но сейчас я была занята перво-степенными задачами.

Только какими? Надо подумать.

Интересно, если он пожалуется на медленное реагирование, какое наказание за это ждет стюардессу?

Парень вытягивает длинные ноги, а потом неторопливо поворачивает голову. Раздраженный взгляд не остается без моего внимания.

— А вас не учили на подготовке, что пассажиру может потребоваться медицинская помощь? На рейсе 260 никто не заметил умершего в кресле, верно?

Я знаю, о чем он говорит. Об этом случае до сих пор судачат, несмотря на то, что прошло уже два года: в авиакомпании конкурента обнаружили мертвого пассажира в кресле только после приземления самолета. Мужчина скончался из-за сердечного приступа, и кто знает, сколько времени он провел в таком состоянии.

В угловатом лице собеседника я вижу неприятную желчь. Темно-карие глаза, в которых даже зрачков не видно, требуют подчинения. Собираюсь с духом, чтобы не обращать внимания на высокомерие.

— Вам плохо? Могу принести аптечку.

Абсурд ситуации ясен и дураку: пассажир жив, здоров и, как я вижу, ничего ему не угрожает.

— А вот если бы я задыхался, поперхнувшись костью от съеденной курицы? Вы бы уж точно не успели со своей аптечкой.

Я бы держалась за двадцать рядов от такого пассажира. Мне и в голову не пришло бы его спасать.

— Мы еще не обслуживали питанием, вы ничего не ели.

— Или я неожиданно превратился бы в шарик после вашей еды, как тетушка Мардж в «Гарри Поттере». — Парень делает загадочную паузу, а я не могу удержаться:

— Не переживайте, из-за низких потолков вы бы далеко не улетели.

Как и я в тот день, когда мой план удрать в Европу провалился. А теперь мне приходится стоять здесь и выслушивать сумасшедшего.

— Аллергия на глютен может вызвать отек органов, вы знали? Тогда на авиакомпанию подали бы в суд из-за вашей халатности. А стюардесса, которой я сейчас все это говорю, не соизволит даже притвориться заинтересованной.

«Сколько фантазии!» — думаю я.

Этот парень морочит мне голову нравами, но он не первый и не последний. Я вынуждена постоянно выслушивать отца-летчика и его советы о том, как поступать правильно. Может быть, поэтому у меня золотая медаль после окончания школы и красный диплом университета, но счастья я не ощущаю даже со всеми наградами с музыкальных конкурсов. Но почему я должна сейчас выслушивать какого-то пассажира? Я не намерена отвечать за случаи, которые могли произойти лишь в теории.

— Я вам так скажу, — начинаю медленно; чтобы завладеть его вниманием, приходится даже слегка нагнуться к собеседнику. — Молодому человеку, если у него проблемы со здоровьем, полагается сидеть дома.

Разворачиваюсь на устойчивых каблуках и направляюсь в сторону передней кухни: я не собираюсь продолжать этот идиотский разговор, пусть хоть сам командир воздушного судна выходит в салон разбираться с этим пассажиром. Ведь это он — мой отец — наказал меня за угнанный «Эмбраер», заставив здесь работать. Петр Семенович таким образом обязал свою дочь выплачивать ему долг.

Дойдя до середины салона первого класса, неожиданно вспоминаю, что сегодня работаю в хвостовой ча-